

ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Т.И. ОЙЗЕРМАН

(Институт философии РАН)

К характеристике социально-политических воззрений Канта и Гегеля*

Анализ философских (не говоря уже о философско-исторических) воззрений любого философа позволяет выявить его социально-политические взгляды даже в том случае, если он не высказывает их сколько-нибудь ясно, отчетливо, откровенно. Это относится, в частности, к Канту и Гегелю — философам, которые предпочитали мыслить хоть и не *sub specie aeternitatis*, подобно Спинозе, но, конечно, во всемирно-историческом масштабе.

Молодой Гегель предпочитал заниматься политическими вопросами наряду с религиозными. Молодой Кант отдавал предпочтение естественнонаучным исследованиям, некоторые из которых стали событием в истории естествознания. В дальнейшем оба мыслителя сосредоточились на разработке собственной философской системы. Кант касался политических вопросов главным образом в философии права, Гегель в отличие от него нередко непосредственно занимался политическими

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 05-03-03452а.

вопросами. Его последняя работа посвящена английскому биллю и реформе законодательства.

Отношение Гегеля к политике ярко выражено в следующем высказывании: «Из всего человечески великого господство над волею людей, обладающих волей, представляет собой самое великое, ибо эта господствующая индивидуальность должна быть как наиболее всеобщей, так и наиболее живой, а это такой идеал смертных, выше которого стоят лишь немногие или даже никто» [2, с. 323]. Эта оценка политики не может не поразить. Ведь, по учению Гегеля, высшим, единственно адекватным, аутентичным выражением абсолютного духа является только философия. Даже государство, которое Гегель обожествляет (следует, конечно, иметь в виду, что в гегелевской системе обожествляется все), воплощает лишь *объективный дух*, т.е. не возвышается до *абсолютного духа*. Однако стоит напомнить, что в годы, когда была создана «Феноменология духа», Наполеон Бонапарт, покоривший Западную Европу, не только восхищал Гегеля как полководец, но и представлялся ему абсолютным духом на белом коне. Едва ли удобное седалище для абсолютного духа.

Приведенное высказывание Гегеля о политике свидетельствует о том, что он буквально был влюблен в нее. Стоит напомнить в этой связи, что первые работы Гегеля посвящены вопросам политического переустройства его родины, Вюртембурга, одному из многочисленных немецких государств начала XIX в. Смею предположить, что если бы Гегелю после окончания Тюбингенского университета предложили значительный государственный пост, он был бы вполне удовлетворен. А если бы через несколько лет он стал министром в своем крошечном государстве, Гегеля, великого немецкого философа, не было бы.

Кант — абсолютная, если можно так выразиться, противоположность Гегелю, который прежде чем стать профессором Берлинского университета преподавал в университете Иены, затем стал редактором газеты в г. Бамберге, а через два года директором гимназии в Нюрнберге, затем профессором Гейдель-

бергского университета, а с 1816 г. профессором Берлинского университета. Кант всю свою жизнь прожил в Кёнигсберге. И даже когда стал знаменитым философом, он отказался от почетных предложений перейти в другие, более известные, престижные университеты, где и профессорский оклад был раза в два выше. Он предпочитал тихий в те годы Кёнигсбергский университет, привычную обстановку, привычный уклад жизни, немногочисленных старых друзей. В одной из работ так называемого «докритического» периода Кант говорит о себе: «Если бы я был богат, то в мои удовольствия включил бы главным образом независимость от вещей и людей» [7, т. 2, с. 198]. Политик, естественно, не может быть независим от вещей и людей. И едва ли эта зависимость его тяготит; он использует ее в своих интересах, превращает вещи и людей в зависимые от него самого. Он господствует над людьми. Так думает Гегель. Кант же считает господство над самим собой подлинной свободой и поэтому высшей ценностью в человеческой жизни. «Было время, — пишет он, — когда... я презирал чернь, ничего не знающую. Руссо исправил меня. Указанное ослепляющее превосходство исчезает; я учусь уважать людей и чувствовал бы себя гораздо менее полезным, чем обыкновенный рабочий, если бы не думал, что данное рассуждение может придать ценность всем остальным, устанавливая права человечества» [7, т. 2, с. 205].

Кант — сын ремесленника, он гордится своими родителями, их честностью, добросовестностью, религиозностью. Он благодарно вспоминает о них на склоне своих дней. Гегель — сын ответственного вюртембургского чиновника. Чиновничество он именует *всеобщим* сословием — очевидно, потому что оно вездесуще, хотя далеко не всеведуще. Как же Кант, в отличие от Гегеля, относится к политике? Он пишет об этом со всей присущей ему откровенностью: «Политика говорит: *«Будьте мудры, как змеи»*, мораль прибавляет (как ограничивающее условие): *«И чисты как, голуби»*. И подчеркивая смысл этого образного выражения: *«Честность лучше всякой политики — бесконечно выше всяких возражений и есть даже неперменное условие политики»* [8, т. 1, с. 431].

Кант, конечно, несколько наивен по сравнению с умудренным жизнью Гегелем. Настаивание на том, чтобы политика основывалась на морали, и категорическое требование — «всей политике следует преклонить колени перед правом» [8, т. 1, с. 375] — изрядно утопичны. Однако Кант отнюдь не утопист; он выдвигает эти требования потому, что хорошо осознает, что ни мораль, ни право не образуют основы политики. Его требование *должного*, так же как и «наивность», заключается только в убеждении, что политика, основанная на морали, будет наиболее плодотворной, наиболее соответствующей *прирожденным правам* человека — равенству и свободе. Равенство есть независимость каждого члена общества, благодаря которой он является собственным господином, в силу чего никто другой не может его обязать к большему, чем он со своей стороны может обязать любого другого члена общества.

С равенством неразрывно связана свобода — как основанное на законе право каждого члена общества не повиноваться иному закону, кроме того, на который он сам мог дать свое согласие. Кант безапелляционно утверждает: нет и не может быть каких-либо причин, которые заставили бы гражданина перестать быть свободным. Человек не должен умять самого себя. Поэтому «даже божественные законы, познаваемые мною только разумом, обязательны для меня лишь постольку, поскольку я сам могу дать на них свое согласие...» [8, т. 1, с. 375].

Равенство и свобода — условия, позволяющие каждому члену общества добиться таких успехов, которые соответствуют его прилежанию и способностям. И это возможно лишь при условии, что будет покончено с любыми сословными привилегиями. Само существование сословий является, с точки зрения Канта, пережитком исторического прошлого. Эта точка зрения существенно отличается от гегелевской, согласно которой дворянство — субстанциальное сословие, «сословие природной нравственности».

Гегель — приверженец сословной конституционной монархии. Кант не имеет ничего против конституционной монархии,

но он утверждает, что и эта форма правления должна осуществлять *принцип республиканизма*, сущность которого состоит в разделении властей, в относительной независимости друг от друга законодательной, исполнительной и судебной властей. «Все три власти в государстве, *во-первых*, координированы между собой наподобие моральных лиц (*potestates coordinatae*), т.е. одна дополняет другую для совершенства (*complementum ad sufficientiam*) государственного устройства; но, *во-вторых*, они также подчинены друг другу (*subordinatae*) таким образом, что одна из них *не может узурпировать функции другой* (курсив мой. — Т.О.), которой она помогает...» [7, т. 4(2), с. 237].

Проницательность кантовского понимания сущности республиканизма как разделения властей состоит в том, что он не придает существенного значения монархической форме правления, если соблюдается принцип республиканизма. В наше время наиболее демократическими государствами являются Великобритания, Нидерланды, Дания, Швеция, Норвегия, т.е. государства монархические.

Гегель, конечно, также признает разделение властей, но с такими оговорками, которые во многом смазывают значение подобного государственного устройства. «Говоря о различной деятельности властей, не следует впадать в чудовищную ошибку, понимать это в том смысле, будто каждая власть должна пребывать для себя абстрактно, так как власти должны быть различены только как моменты понятия» [4, с. 310—311]. Эта формулировка выдает действительное опасливое отношение Гегеля к разделению властей, что, в частности, находит свое выражение в отрицании самостоятельности судебной власти. «Если обычно, — замечает Гегель, — говорят о трех властях, о законодательной, исполнительной и судебной, то первая соответствует всеобщности, вторя — особенности, но судебная власть не есть третий момент понятия, ибо ее единичность лежит вне указанных сфер» [4, с. 311].

Вопросам философии истории Кант посвятил лишь несколько статей, но каждая из них представляет собой гениаль-

ное проникновение в сущность всемирно-исторического процесса развития человечества. Укажу только на такие статьи, как «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» и «К вечному миру». В первой из этих работ он обосновывает идею объективной обусловленности развития человечества, идею, без которой известное положение просветителей: люди сами творят свою историю — оказывается не более чем декларацией. Кант исходит из вполне реалистического представления о *недоброжелательной общительности людей*, понимая ее как «их склонность вступать в общение, связанную, однако, с всеобщим сопротивлением, которое постоянно угрожает обществу разединением» [7, т. 6, с. 11]. Эту особенность человека как эгоистического общественного существа он называет антагонизмом, противоречием между необщительностью и общительностью. Этот антагонизм характеризуется Кантом как движущая сила развития человечества, благодаря которой осуществляется социальный прогресс, чье важнейшее содержание составляет развитие и совершенствование природных задатков человека, человеческих способностей. Если бы люди были такими же кроткими, как овцы, которых они пасут, они бы остались неспособными к развитию своих способностей и к созданию такого общественного устройства, которое всемерно способствует развитию человека и человечности. «Поэтому да будет благословенна природа за неуживчивость, за завистливо соперничающее тщеславие, за ненасытную жажду обладать и господствовать! Без них все превосходные природные задатки человечества остались бы навсегда недоразвитыми» [7, т. 6, с. 12].

Осмысливая историю человечества, Кант приходит к выводу, что ее противоречивое развитие закономерно ведет к установлению правового гражданского общества, в котором гражданам предоставляется «величайшая свобода», предполагающая «непреодолимое принуждение» со стороны государственных законов, обязывающих членов общества быть законопослушными гражданами, без чего они не могли бы ужить-

ся друг с другом и обеспечить сохранение своей личной свободы. Иными словами, человек «нуждается в *господине*, который сломил бы его собственную волю и заставил его подчиняться общепризнанной воле, при которой каждый может пользоваться свободой» [7, т. 6, с. 14]. Свобода члена гражданского общества ограничена свободой других членов общества. Без этого ограничения нет и личной свободы.

Государство — с этой точки зрения — должно быть тем господином, который ограничивает свободу каждого ради сохранения свободы каждого. Нельзя жить в обществе и быть свободным от него.

На земле существует много государств. Их отношения друг к другу нередко носят враждебный характер. Войны отнюдь не случайное явление, они неизбежны на определенных стадиях истории человечества. Чрезвычайное напряжение, которое всегда возникает в период войны, а иной раз и в период подготовки к ней, бедствия, жертвы, разрушения — все это подсказывает идею окончательного прекращения войн. Но сама по себе эта идея не может, конечно, положить конец войнам. К вечному миру влечет человечество все более усложняющийся характер войн, возрастающие жертвы и разрушения, осознание того, что в конечном итоге войны приведут к самоуничтожению человечества, ибо «нельзя заранее сказать, не подготовит ли нам, в конце концов, несогласие, столь естественное для нашего рода, ад крошечный, полный страданий, на какой бы высокой ступени цивилизации мы ни находились...» [7, т. 6, с. 17].

Эти положения получают систематическое развитие в кантовской работе «К вечному миру». Вечный мир, пишет в начале этого эссе Кант, возможен или как кладбищенский покой, или как нерушимый союз между государствами. Примечательно, что за два года до опубликования этой работы в 1793 г. Кант писал, что «бедствия, испытываемые от беспрестанных войн, в которых государства стремятся притеснить или покорить друг друга, заставляют в конце концов эти государства или прейти, хотя бы и против своей воли, к *космополитическому* устройству, или... пе-

рейти к такому состоянию, которое хотя и не будет общностью граждан мира, объединенных под властью одного главы, но будет правовым состоянием *федерации*, основанным на общесоглазованном международном праве» [7, т. 4(2), с. 103]. Работа «К вечному миру» не только уточняет позицию Канта в данном вопросе, но и обосновывает историческую необходимость окончательного прекращения войн между государствами.

Важнейшим условием, которое делает возможным установление вечного мира между государствами, является повсеместное торжество принципа республиканизма, развитие правового государства, в котором народу принадлежит решающее слово. А народ, в отличие от правителей, никогда не даст согласия на войну, все бедствия которой обрушиваются на него, в то время как правители продолжают наслаждаться своею властью. Совершенствование правового государственного устройства означает, согласно Канту, постепенное саморазрушение морального зла вследствие внутренне присущих ему противоречий. «Моральное зло имеет то неотделимое от своей природы свойство, что по своим целям (особенно в отношении других, держащихся такого же образа мыслей) оно внутренне противоречиво и саморазрушительно и, таким образом, хотя и медленно, но уступает место (моральному) принципу добра» [7, т. 6, с. 300].

«Философия истории» Гегеля — фундаментальное исследование, которое в ряде отношений превосходит эскизно изложенные философско-исторические воззрения Канта. Большие разделы гегелевского труда посвящены восточному миру (Китай, Индия, Персия), греческому миру, римскому миру. Однако всемирная история, начиная от развала Римской империи и вплоть до современной Гегелю эпохи, именуется явно в духе немецкого (точнее, прусского) национализма: «*Германский мир*». Как далеко это от кантовской «Идеи всеобщей истории во всемирно-гражданском плане»!

В характеристике стран Востока Гегель выступает не просто как европоцентрист, но и как философ не только чуждый, но и враждебный восточным народам. Он, например, утверждает, что китайцы «не являются личностями». Развивая этот

абсурдный, антигуманистический тезис, Гегель заявляет, что «в Китае не может существовать большого различия между рабством и свободой... Отсюда вытекает глубокая безнравственность китайцев: известно, что они обманывают при всякой возможности» [3, с. 115]. Отличительной чертой характера китайцев является, по убеждению Гегеля, неизвестно на чем (кроме предрассудков) основанное качество, которому «чуждо все духовное: свободная нравственность, моральность, чувство, глубокая религиозность и истинное искусство» [3, с. 124]. Я думаю, что современные китайцы, читая «Философию истории» Гегеля, снисходительно улыбаются, осознавая, что даже гений иной раз проповедует белиберду.

Гегелевская характеристика Индии и индусов совершенно аналогична приведенной выше. О национальном характере индусов утверждается: «...духовное не является содержанием их сознания». Развитие этого сугубо ошибочного тезиса образует следующая тирада: «Коварство и хитрость являются основными чертами характера индуса: он склонен к обману, воровству, грабежу, убийству» [3, с. 149—150]. Нетрудно представить, как относятся современные индусы к этому вердикту.

Весьма показательно, что «германский мир» характеризуется Гегелем как «последняя стадия истории» [3, с. 409]. Это чуждое диалектике представление о всемирно историческом развитии человечества принципиально отличается от кантовского. Кантовский взгляд на историю человечества устремлен в будущее.

Примечательной особенностью философско-исторической концепции Гегеля является убеждение в *нравственной необходимости* войн как ничем другим не заменимого средства сохранения духовной субстанции народа. Идея вечного мира как отдаленного будущего человечества абсолютно неприемлема для Гегеля. В противовес Канту он провозглашает: «Высокое значение войны состоит в том, что благодаря ей сохраняется нравственное здоровье народов... война предохраняет народ от гниения, которое непременно явилось бы следствием продолжительного, а тем более вечного мира» [3, с. 360]. Стоит отме-

тить, что это милитаристское убеждение характерно не только для «Философии права». Нетрудно найти почти идентичное в его словесном выражении высказывание в одной из самых ранних работ Гегеля, в статье «О научных способах исследования естественного права» (1802), где также говорится о том, что «война сохраняет здоровую нравственность народов» [5, с. 229].

Сопоставление социально-политических воззрений Канта и Гегеля не может быть основой для сравнительной оценки их философских воззрений. Диалектический идеализм Гегеля, несомненно, превосходит «критическую философию» Канта, в особенности потому, что Гегель разработал диалектику как теорию развития и метод исследования. Но это не значит, что социально-политические воззрения не наложили свою печать на философские системы обоих мыслителей. Правильно отмечает Л.А. Калинин в своей содержательной монографии: «Развитая Кантом картина цели человеческой истории, как нам представляется, предпочтительнее гегелевской в том отношении, что для Канта современность вовсе не является концом и завершением общественного развития. Кроме того, как это видно из трактата «К вечному миру» (1795), он, в отличие от Гегеля, не мыслит себе идеального этико-правового гражданского состояния без прочного и вечного мира между народами» [6, с. 136]¹.

Кант создавал свою философскую систему в эпоху мануфактурного капитализма, когда экономический обмен и культурные связи между странами европейского континента (не говоря уже о более отдаленных странах) были еще не развиты и международные отношения обычно находили свое выражение не в мирном сотрудничестве, а в войнах. Однако Кант, несмотря на эти обстоятельства, провидчески заглядывал в будущее народов нашей планеты. И современная эпоха, несмотр-

¹ Эти же мысли высказывает П.П. Гайденко в своей посвященной Фихте монографии: «Сегодня уже очевидно, что учение Гегеля отнюдь не решает тех проблем, которые были поставлены Кантом, вопреки тому, что думали об этом сам Гегель и многие его ученики и последователи» [1, с. 5].

ря на все присущие ей противоречия, в том числе и довольно многочисленные локальные войны, все же свидетельствует в пользу социально-политических, космополитических воззрений Канта, а отнюдь не в пользу националистической концепции «германского мира», которую обосновывал Гегель.

Вечный мир — не утопия, а историческая перспектива и цель, которую стремятся осуществить демократически развитые государства. Вечный — значит постоянный, незыблемый, обеспеченный мирным экономическим и культурным сотрудничеством народов. Это действительно высшее политическое благо.

Список литературы

1. Гайденко П.П. Парадоксы свободы в учении Фихте. М., 1990.
2. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 1. СПб., 1993.
3. Гегель Г.В.Ф. Соч. Т. 8. М., 1935.
4. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990.
5. Гегель Г.В.Ф. Политические произведения. М., 1978.
6. Калинин Л.А. Проблемы философии истории в системе Канта. Л., 1978.
7. Кант И. Соч.: В 6 т. М., 1964.
8. Кант И. Соч. на немецком и русском языках. М., 1994.

А. ВУД

(Стэнфордский университет, США)

Кант о совести¹

Философские теории совести можно классифицировать под тремя заголовками: теории морального знания, теории мотивации и рефлексивные теории. Люди говорят, что совесть «велит им поступать так и так». Такое высказывание может подразумевать, что совесть является источником морального знания о

¹ Перевод с английского В.А. Чалого.